

и непрерывного развития комплексных «мягких» социально-поведенческих и когнитивных навыков эффективной коммуникации и сотрудничества, комфортного существования и самореализации студентов-политологов в цифровой среде в самой тесной связи с «жесткими» цифровыми навыками в узкопонятийном контексте базовой компьютерной грамотности и специализированных технических знаний в области цифровых технологий.

Список источников:

1. Ильина, Е. М. Политика в сфере цифровой трансформации : учеб. программа учреждения высшего образования по учеб. дисциплине для специальности: 1-23 01 06 Политология / Е. М. Ильина ; БГУ, юридический фак., каф. политологии. – Минск : БГУ, 2020. – 36 с.

*И.Л. Качалов, доцент
kachalov@bsuir.by
БГУИР (Минск, Беларусь)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В научной и учебной литературе понятие «политическая социализация» тесным и неразрывным образом связывают с понятием политической культуры. Например, С. А. Ланцов определяет политическую социализацию как процесс усвоения индивидом, социальной группой или всем обществом ценностей и норм, присущих какой-либо политической культуре конкретного общества [3, с. 145–146]. Результатом политической социализации на уровне отдельного человека становится усвоение определенных навыков, необходимых для исполнения соответствующих ролей в политической системе. Воспроизводство и эволюция политической системы как в целом, так и ее отдельных политических институтов невозможно без наличия в обществе эффективных механизмов политической социализации.

Чтобы избежать конфликтов и тем более серьезных политических потрясений в изменяющейся исторической и социальной обстановке, каждое последующее поколение должно усвоить опыт и ценности, выработанные предшествующими поколениями. Это вовсе не исключает его переосмысления. А вот резкий отказ от своего исторического прошлого и изменение ценностных ориентаций на диаметрально противоположные обязательно приведут к серьезным проблемам функционирования всех подсистем данного общества. А если разрушительные антисистемные социальные изменения приобретут необратимый характер, то такое общество неминуемо ждет катастрофа.

Начинаясь в возрасте 3-5 лет, процесс политической социализации продолжается на протяжении всей жизни человека. Особое значение имеют годы отрочества и юности. Считается, что именно к совершеннолетию у человека накапливается собственный жизненный опыт, складывается мировоззрение, формируются политические взгляды и убеждения. Хотя, как правило, эти

убеждения бывают непрочными и впоследствии меняются под воздействием внешних факторов. Взгляды и убеждения могут корректироваться в зрелом, и даже в преклонном возрасте. Однако примерно к 45 годам у человека происходит изменение поведенческой стратегии. Он переходит от инновационного к адаптивному поведению. Отдельный человек и целые социальные группы в процессе своей жизни могут менять свои политические ориентации, изменять формы, виды и направленность своей политической деятельности. Особенно часто это происходит при изменении политического строя, режима, состава основных участников политических процессов [1].

Исследователи отмечают, что наиболее прочные ценности, нормы и политические установки приобретаются под воздействием преобладающих в семье настроений. Уже у детей формируются базовые политические ориентации. Сформировавшиеся в детские и юношеские годы политические предпочтения и установки являются наиболее устойчивыми. Однако делается оговорка: роль семьи как агента политической социализации ограничивается степенью активности других политических институтов и общественных организаций. В ситуации радикального изменения ценностей (ресоциализации) у людей вне зависимости от возраста могут возникать острые внутриличностные конфликты и даже разрушаться структура личности.

Еще одним важнейшим агентом политической социализации выступает система образования. Школа транслирует существующие в обществе ценности и установки. Ее потенциал огромен. Однако результат далеко не всегда соответствует изначальной цели. В истории различных обществ достаточно примеров, когда декларируемые формальные политические нормы и ценности явно не совпадали с неписаными правилами политической игры. Школа как агент политической социализации способна стимулировать эмоциональную преданность молодых людей политической системе и ее символам (государственным, национальным, историческим), что несомненно будет укреплять такое общество. Не случайно, при формировании нации или после смены политического режима революционным путем, национальные лидеры или пришедшие к власти политические силы, как правило, тут же обращаются к школе как к средству вытеснения «устаревших» ценностей и символов и замены их новыми, более гармонизирующими с новой идеологией.

Образование также влияет на политические ресурсы граждан. Чем выше уровень и качество образования, тем в большей степени выражена predisposition к самостоятельному критическому мышлению, повышается способность интерпретировать факты и действовать на основе новой информации. Исследования политических установок различных социальных групп во многих странах подтверждают названные тенденции.

Однако в последние два десятилетия отчетливо проявились явные доказательства значительного усиления роли средств массовой информации как агента социализации, в том числе и в политике. Для большинства граждан они не только стали источником сведений о политических событиях. СМИ с возрастающей активностью распространяют напрямую и косвенно ценности,

установки, эмоционально окрашенные суждения. Это не только влияет на формирование политических убеждений людей, но и может в относительно короткий промежуток времени изменить их убеждения [4, с. 86–87]. Такое воздействие СМИ исследователи заметили, когда широкие массы населения по всему миру получили относительно недорогой доступ в Интернет.

Еще в конце XX в. один из крупнейших социологов современности Мануэль Кастельс обратил внимание на одну «специфическую социальную структуру» – «сетевое общество», в котором социальная структура «построена вокруг (но не определяется с помощью) цифровых сетей коммуникации». Он считал, что «процесс формирования и осуществления властных отношений, несомненно, трансформируется в новом организационном и технологическом контексте, возникающем из подъема глобальных цифровых сетей коммуникации как фундаментальной символической системы обработки данных нашего времени» [2, с. 21].

Вывод, сделанный М. Кастельсом, в свете происходящих сейчас событий во многих странах мира становится не только задачей академической науки, но и обязательным условием эффективности действий правительств этих стран: «...анализ властных отношений требует понимания специфичности форм и процессов социализирующей коммуникации, которая в сетевом обществе означает как мультимодальные массмедиа, так и интерактивные, горизонтальные сети коммуникации, возникающие вокруг Интернета и беспроводной коммуникации. Действительно, эти горизонтальные сети делают возможным подъем того, что я называю массовой самокоммуникацией, несомненно, увеличивающей автономию коммуницирующих субъектов в отношении к коммуникационным корпорациям в силу того, что пользователи становятся как отправителями, так и получателями сообщений» [2, с. 21].

Более чем актуально сейчас звучит сформулированный М. Кастельсом предмет его исследования: «Власть больше, чем коммуникация, а коммуникация больше, чем власть. Но власть полагается на контроль за коммуникацией, тогда как контрвласть зависит от прорыва этого контроля. Но массовая коммуникация, коммуникация, которая потенциально охватывает общество в целом, формируется и управляется властными отношениями, коренясь в медиабизнесе и политике государства. Коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества» [2, с. 20].

Рабочая гипотеза, сформулированная М. Кастельсом, сегодня также перешла в плоскость реальной политики и стала главной целью любого правительства как в границах своей страны, так и в международной политике: «наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание» [2, с. 20].

Ссылаясь на исследования Дэвида Хелда 1990-х гг., М. Кастельс пишет: «...классическая теория власти, сфокусированная на национальном государстве или субнациональных государственных структурах, утрачивает привычную систему координат с момента, когда ключевые компоненты социальной

структуры одновременно оказываются, скорее, локальными и глобальными, чем локальными или национальными» [2, с. 35].

На наш взгляд, события, которые буквально за последний год происходят по всему миру, в очередной раз говорят о том, что «теория сетевого общества» стала реальностью сегодняшнего дня. И это следовало бы учитывать как исследователям политической социализации, так и «практикующим» политикам.

Список источников:

1. Баранов, Н. Лекция 15. Политическая социализация / Н. Баранов // Персональный сайт Николая Баранова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskaya-sotsiologiya/347-lektsiya-15-politicheskaya-sotsializatsiya>. – Дата доступа: 14.12.2020.
2. Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
3. Ланцов, С.А. Политология: учебное пособие / С.А. Ланцов. – СПб. : Питер, 2011. – 544 с.
4. Лемешова, Т.В. Современные вызовы политической социализации молодежи и философия / Т.В. Лемешова // Высшая школа: проблемы и перспективы: материалы 13-й Междунар. научно-методич. конф. Минск, 20 февр. 2018 г. В 3 ч. Ч. 2. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 85–90.
5. Милорава, А.Р. Процесс политической социализации молодежи в современном российском обществе / А.Р. Милорава. // Молодой ученый. – 2017. – № 13 (147). – С. 505–507.

А.А. Михайлова, старший научный сотрудник

AnnaTikhonova@kantiana.ru

Д.В. Хвалец, магистрант

DKHvalei1@kantiana.ru

БФУ им. И. Канта (Калининград, Россия)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В РОССИИ¹

Возможность использования информационно-коммуникационных технологий для социологических и политологических исследований все активнее обсуждается в научной литературе, например, в [1-3]. Научная проблематика включает вопросы цифрового разрыва, а также статистической значимости различий между пользователями социальных сетей и реальным населением стран в отношении политических ценностей и поведения [3]. Данное исследование нацелено на оценку потенциала использования социальных сетей

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-32062 «Регионы России на пути к цифровой нации: пространственная дивергенция виртуализации социально-политических и экономических связей».